

Коропчевский Дмитрий Андреевич

Психология войны

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д53

Д53 **Дмитрий Андреевич К.**
Психология войны / Коропчевский Дмитрий Андреевич – М.: Книга по Тре-
бованию, 2022. – 38 с.

ISBN 978-5-519-90479-7

ISBN 978-5-519-90479-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и нравственныя понятія противоположнаго характера. Ни христіанская, ни философская мораль не могли измѣнить сущности первобытнаго отношенія къ войнѣ — страстнаго стремленія къ уничтоженію врага и гордости по поводу успѣха подобнаго уничтоженія. Въ дѣйствительности, въ нашемъ внутреннемъ мірѣ спокойно уживаются рядомъ воззрѣнія весьма различныхъ культурныхъ стадій, и отношеніе къ войнѣ, какъ къ чему-то великому, героическому, возвышающему душу, сохраняется въ насъ съ первоначальной, эпической силой. Если мы и съумѣемъ отрѣшиться отъ героическаго воззрѣнія на войну, мы все-таки не въ силахъ выйти изъ круга понятій, которыя полагаютъ въ ней нѣчто неизбѣжное, безусловно необходимое. Отдѣльные голоса, раздающіеся въ пользу вѣчнаго мира, третейскаго рѣшенія острыхъ международныхъ вопросовъ, остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, — и философы, какъ, напр., Гербертъ Спенсеръ и его послѣдователи, старающіеся видѣть въ нашей эпохѣ усиленіе промышленнаго духа сравнительно съ военнымъ, вынуждены отказываться отъ своихъ воззрѣній и признавать, что милитаризмъ далеко еще не подчинился индустріализму.

Громадное, непреходящее значеніе войны, первенствующая роль ея въ исторіи народовъ, неослабѣвающее вниманіе, какое вызываетъ къ себѣ вѣчное подготовленіе къ ней и ожиданіе ея, среди которыхъ мы живемъ, обращаютъ ее въ весьма крупный факторъ въ исторіи культуры и отводятъ ей видное мѣсто въ исторіи психологіи человѣчества. Съ этой культурно-психологической или, говоря короче, антропологической точки зрѣнія мы и будемъ разсматривать войну, основываясь на непосредственномъ изученіи современныхъ намъ человѣческихъ группъ и ихъ представителей въ историческомъ прошломъ.

I.

Новѣйшіе путешественники свидѣтельствуютъ о существованіи дикарей, которые, какъ, напр., гуахарифы на верхнемъ Ориноко, не знаютъ ни одежды, ни жилищъ, ни орудій и бродятъ маленькими кучками въ 10—12 человѣкъ. Мы еще слишкомъ

мало знакомы съ такими низшими представителями человѣчества и не можемъ включить ихъ въ нашъ обзоръ. Весьма вѣроятно, что они, сознавая свою слабость, робки, боязливы и предпочитаютъ бѣгство отъ врага состязанію съ нимъ. Намъ извѣстно также, что нѣкоторыя группы, обитающія въ полярныхъ странахъ, весьма миролюбивы и даже не понимаютъ возможности кровавыхъ столкновеній между людьми. Это объясняется исключительными условіями ихъ жизни, ихъ малочисленностью и особенностями ихъ характера. Во всякомъ случаѣ, человѣческія группы, избѣгающія войны, могутъ считаться исключеніемъ. На всемъ остальномъ пространствѣ земного шара воинственность, болѣе или менѣе, свойственна всѣмъ племенамъ и народамъ и проходитъ правильный и опредѣленный путь развитія.

Дикія племена Австраліи находятся въ почти постоянной враждѣ между собой. Въ ихъ жизни оказывается множество причинъ для вооруженныхъ столкновеній. Всякая смерть, причиняемая болѣзью, кажется имъ насильственной, и источникъ ея они видятъ въ колдовствѣ. Подозрѣваемый въ „порчѣ“, послѣдствіемъ которой была чья-либо смерть, становится врагомъ всего рода умершаго и предметомъ ихъ мести. Похищеніе женщинъ изъ другаго племени, составляющее первобытную особенность австралійцевъ, служитъ одной изъ дальнѣйшихъ причинъ столкновенія между ними. Нерѣдко случается, что женщины или дѣти различныхъ родовъ ссорятся между собою; въ ихъ ссору вмѣшиваются мужья и отцы обѣихъ сторонъ, и это даетъ начало кровавому побоищу. Подобныя столкновенія слѣдуетъ причислить скорѣе къ разряду рукопашныхъ схватокъ или отдѣльных проявленій мести, которыя могутъ быть опасными, вслѣдствіе страстности и несдержанности дикарей. Но австралійцы ведутъ уже и настоящія войны, хотя съ небольшимъ количествомъ сражающихся. У нихъ одно племя иногда формально объявляетъ войну другому; посылая къ нему гонцовъ или зажигая большіе костры. Тогда враги условливаются о мѣстѣ и времени встрѣчи, и вскорѣ послѣ того слѣдуетъ битва. Чаше враги избѣгаютъ открытаго столкновенія, и война ведется посредствомъ неожиданныхъ нападеній и засадъ. Подобно животнымъ, австра-

лійцы пользуются цвѣтомъ своей кожи, распростираясь на землѣ или становясь между деревьями, такъ что издали ихъ можно принять за сухой древесный стволъ. Такой скрытый способъ веденія войны можно считать характернымъ для низшихъ дикарей. Мы видимъ въ немъ нѣчто переходное между боязливостью первоначальныхъ человѣческихъ группъ и дальнѣйшей свирѣпостью и кровожадностью дикихъ воиновъ. У австралійцевъ почти не замѣчается того, что мы называемъ военнымъ мужествомъ и храбростью. Битвы ихъ бываютъ непродолжительны и некровопролитны. Въ условленный день непріатели сходятся въ видѣ небольшихъ отрядовъ, не болѣе 200 человѣкъ, а иногда немногимъ болѣе 10. Передъ битвой враги обращаютъ другъ къ другу упреки и угрозы, выражая ихъ криками и жестами. Они стараются возбудить себя военными пѣснями, въ которыхъ иногда принимаютъ участіе и женщины. Обыкновенно, въ день сраженія, они особымъ образомъ раскрашиваютъ себѣ тѣло—краснымъ и бѣлымъ цвѣтами. Когда возбужденіе достигнетъ достаточной степени, начинается метаніе копій, причемъ каждый цѣлитъ въ противника, стоящаго прямо передъ нимъ. При ловкости и увертливости австралійцевъ, метаніе копій продолжается иногда довольно долго, никому не нанося вреда. Если кто-нибудь, наконецъ, окажется раненымъ, сторонники побѣдителя поднимаютъ громкій крикъ, и сраженіе нерѣдко на томъ и заканчивается. За погребеніемъ убитыхъ и перевязкой раненыхъ, по большей части, слѣдуетъ заключеніе мира, который празднуется общей торжественной пляской. Вообще, непріязнь къ врагу быстро угасаетъ у австралійца, и недавніе непріатели легко дѣлаются друзьями. Бываютъ, однако, случаи, когда возбужденіе или раздраженіе заставляетъ австралійцевъ обнаруживать большую жестокость при нападеніяхъ: иногда они умерщвляютъ всѣхъ мужчинъ, какихъ находятъ въ непріательскомъ родѣ и уводятъ въ плѣнъ женщинъ. Однако случаи открытаго нападенія и грабежа въ войнѣ австралійцевъ, сравнительно, рѣдки. Военныя дѣйствія ихъ имѣютъ еще настолько первобытный характеръ, что въ нихъ участвуютъ не только всѣ взрослые мужчины, но и женщины. Послѣднія способствуютъ своими пѣснями и криками возбужденію

сражающихся и, кромѣ того, сами, часто вступаютъ въ единоборство съ лицами своего пола изъ рядовъ непріятеля. Такимъ образомъ, битвы австралійцевъ скорѣе можно назвать коллективными поединками, нежели настоящими сраженіями. Правда, австралійцы съѣдаютъ иногда убитыхъ враговъ, но дѣлаютъ это не столько изъ склонности къ человѣческому мясу, сколько изъ суевѣрнаго убѣжденія, что, съѣдая убитаго, они воспринимаютъ въ себя и его храбрость. Очевидно, у нихъ мы находимъ зачаточную стадію военнаго дѣла, какъ относительно способа веденія войны, такъ и относительно проявляемой при этомъ жестокости. Хотя Летурно, въ своемъ недавно вышедшемъ сочиненіи: „L'évolution politique dans les diverses races humaines“ (492) называетъ войну австралійцевъ „простой охотой за человѣкомъ“, но эта охота далеко не имѣетъ той утонченности и безпощадности, какую мы увидимъ въ ней впослѣдствіи.

II.

Меланезійцы, населяющіе Новую Гвинею и другіе острова такъ-называемаго „внутренняго кольца“ Океаніи и принадлежащіе къ папуасской расѣ и къ ея скрещиваніямъ съ полинезійцами, представляютъ намъ болѣе способную, энергичную и развитую человѣческую группу, сравнительно съ австралійцами. И въ военномъ отношеніи они значительно обогнали этихъ послѣднихъ. Война является у нихъ не одной необходимостью, средствомъ возстановить нарушенныя права или отомстить за оскорбленіе, а почетнымъ и въ то же время прибыльнымъ дѣломъ. Каждый взрослый меланезіецъ — прежде всего воинъ и пользуется уваженіемъ среди своихъ, соразмѣрно своимъ военнымъ успѣхамъ. Война есть почти нормальное состояніе меланезійскаго населенія, находя для себя безпрестанные поводы въ столкновеніяхъ между обитателями различныхъ племенъ, населяющими отдѣльные острова. Также задорно и враждебно меланезійцы относятся ко всѣмъ чужеземцамъ, въ чемъ европейцамъ часто приходилось убѣждаться при ихъ попыткахъ основать поселенія на Новой Гвинее и другихъ островахъ Меланезіи.

Войны въ Меланезіи ведутся съ крайнимъ ожесточеніемъ. Хотя война, по большей части, объявляется формально, но въ ней большую роль играютъ тайныя нападенія, сопровождающіяся грабежомъ, насиліемъ и похищеніемъ женщинъ и дѣтей. Можно сказать, что такія нападенія составляютъ сущность меланезійскихъ войнъ. Открытыя сраженія ихъ отчасти напоминаютъ битвы австралійцевъ, о которыхъ мы говорили выше. Сраженія меланезійцевъ точно также начинаются съ метанія копій на известномъ разстояніи, и уже потомъ разгоряченные бойцы берутся за палицы, и битва принимаетъ характеръ рукопашной схватки. Но эти столкновенія все-таки непродолжительны и некровопролитны. Даже самыхъ свирѣпыхъ изъ меланезійскихъ воиновъ, а именно фиджійцевъ, нельзя назвать храбрыми въ настоящемъ смыслѣ этого слова: имъ нужна известная степень возбужденія для того, чтобы кинуться на вооруженнаго, стоящаго передъ ними, врага. Войско меланезійцевъ рѣдко насчитываетъ въ себѣ болѣе 1.000 человекъ. Кровожадность ихъ выражается по преимуществу въ отношеніи къ побѣжденнымъ. Плѣнные враги, не исключая и дѣтей, убиваются ими съ жесточайшими мученіями. Умерщвленные враги съѣдаются ими, причемъ мотивомъ людоедства служить не одно суевѣріе, какое мы видѣли у австралійцевъ, но и настоящая страсть къ человѣческому мясу. На островѣ Раки-Раки одинъ вождь хвастался тѣмъ, что онъ въ своей жизни съѣлъ 900 человекъ, за что пользовался величайшимъ уваженіемъ среди своихъ соплеменниковъ. Мы не приводимъ здѣсь возмутительныхъ подробностей людоедства меланезійцевъ; читатель, интересующійся этимъ вопросомъ, можетъ найти ихъ въ сочиненіяхъ Вайца, Андрее и многихъ другихъ.

Въ смыслѣ тактики и стратегіи, меланезійцы выказываютъ уже значительный прогрессъ въ сравненіи съ австралійцами. Они умѣютъ пользоваться мѣстностью для военныхъ дѣйствій и даже строить укрѣпленія. Эти укрѣпленія состоятъ изъ землянаго вала, прикрытаго большими камнями и увѣнчаннаго сверху палисадомъ или каменнымъ брустверомъ; съ наружной стороны онъ окруженъ ровомъ, наполненнымъ водою и снабженнымъ подѣ-

емными мостами. Крѣпости меланезійцевъ могутъ противостоять даже огнестрѣльному оружію. Онѣ бывають достаточно снабжены провіантомъ; такъ, въ одной изъ нихъ былъ найденъ запасъ плодовъ хлѣбнаго дерева, котораго для осажденныхъ хватило бы на четыре года. Осада такихъ крѣпостей ведется туземцами далеко не систематически. Чтобы вызвать осажденныхъ изъ-за ихъ стѣнъ, осаждающіе осыпають ихъ не столько стрѣлами и пулями, сколько самыми обидными ругательствами. Хотя все это говорить за то, что меланезійцы въ войнѣ отдають предпочтеніе скрытому или прикрытому способу веденія ея, но между ними, въ особенности на Новой Гвинее, встрѣчаются уже настоящіе „головорѣзы“, воины, ставящіе себѣ цѣлью добыть какъ можно болѣе непріятельскихъ головъ.

Полинезійцы, населяющіе остальные острова Океаніи и принадлежащіе къ малайской расѣ, выказываютъ въ своихъ военныхъ приѣмахъ многія любопытныя особенности. Отдѣльные острова и различныя племена, населяющія одинъ и тотъ же островъ, нерѣдко находятся въ непрерывной вооруженной враждѣ между собою. Достаточно самаго незначительнаго повода, чтобы эта непріязнь перешла въ открытое столкновеніе. Такимъ поводомъ является иногда недостаточно почтительное обращеніе съ ребенкомъ, принадлежащимъ къ высшему сословію. Богъ войны можетъ одушевить нѣкоторыхъ воиновъ, и тѣ могутъ потребовать войны. Дарвинъ, въ своемъ путешествіи, упоминаетъ объ одномъ начальникѣ племени, который замѣтилъ, что его пороховые запасы начинаютъ портиться; и для того, чтобы они не пропали даромъ, онъ объявилъ войну одному изъ сосѣднихъ племенъ. Когда война объявлена, объ этомъ извѣщается все населеніе, обязанное поднять оружіе. На Таити герольдъ короля проходитъ по странѣ съ королевскимъ знаменемъ, призывая къ войнѣ всѣхъ способныхъ носить оружіе, которые должны собираться на установленныхъ мѣстахъ. Такого же рода призывъ происходилъ и на Сандвичевыхъ островахъ. Кромѣ оружія, полинезійскіе воины должны нести на себѣ калібассы (сушенныя тыквы) съ водою и запасъ вяленой рыбы. Изъ страха полнѣйшаго презрѣнія къ себѣ, никто изъ мужчинъ не долженъ былъ

оставаться дома. Женщины, дѣти и старики оставались въ деревняхъ или переводились въ безопасныя мѣста.

Обращеніе къ богамъ за помощью и покровительствомъ въ войнѣ у полинезійцевъ выступаетъ яснѣе, чѣмъ у австралійцевъ и папуасовъ. Таитяне и гавайцы (жители Сандвичевыхъ острововъ) брали съ собою идоловъ на поле сраженія и передъ войной приносили богамъ человѣческія жертвы. Полинезійскіе жрецы просили своихъ боговъ о помощи и старались убѣдить непріятельскихъ боговъ перейти на ихъ сторону, за что обѣщали имъ щедрые дары. У каждаго изъ вождей, во время битвъ, былъ съ собою идолъ бога войны, сплетенный изъ сучьевъ и украшенный красными перьями. Полинезійскія божества направляли военныя дѣйствія и опредѣляли ихъ исходъ. Пораженіе на войнѣ считалось наказаніемъ за нарушеніе воли божества или какой-либо проступокъ передъ нимъ, и побѣдитель признавался орудіемъ карающихъ божествъ.

Въ Новой Зеландіи сраженія въ открытомъ полѣ происходили сравнительно рѣдко. Битвѣ предшествовало тамъ словесное объясненіе воюющихъ, причемъ высказывались причины вражды, заключавшіяся въ оскорбленіяхъ того или иного рода. Обыкновенно объясненіе не вело ни къ чему и только усиливало раздраженіе враговъ, которое переходило въ вооруженное столкновение. Вѣроятно, это былъ весьма древній обычай, въ силу котораго битвы имѣли характеръ поединковъ или „божіихъ судовъ“, какъ мы это видѣли у австралійцевъ. Большая древность военныхъ обычаевъ новозеландцевъ можетъ быть подтверждена тѣмъ, что ихъ воины одушевляли себя посредствомъ плясокъ. На Таити и на Сандвичевыхъ островахъ сраженія въ открытомъ полѣ происходили гораздо чаще. На Таити существовала грубая, раздражающая военная музыка, которой инструментами служили деревянные барабаны и трубы изъ раковинъ. Передъ битвой, во время и послѣ нея, тамъ выступали особые ораторы (раути), которые старались своими рѣчами воодушевить воиновъ. Ихъ воинственныя рѣчи достигали иногда настоящей поэтической силы, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка: „Катитесь впередъ, какъ волны, обруштесь на нихъ, какъ морской

валъ на утесъ; выкажите вашу силу, вашу ярость, ярость ди-
каго пса, пока ряды ихъ разстроятся, и они побѣгутъ, какъ
море во время отлива“, и т. д. Обязанность „раути“ принимали
на себя знатныя лица и храбрѣйшіе воины, и рѣчи ихъ произ-
водили сильнѣйшее впечатлѣніе.

Полинезійскіе воины сражались обнаженными, имѣя на себѣ
только головныя украшенія изъ перьевъ, которыми вожди отли-
чались отъ простыхъ воиновъ. Иногда на головахъ у нихъ были
плетеные шлемы, съ украшеніями изъ перьевъ, отъ 2 до 3 фу-
товъ высоты. На Таити воины носили нѣчто въ родѣ латъ изъ
раковинъ и перьевъ, а на плечи набрасывали „типуту“, родъ
епанчи. На Гавайскихъ островахъ вожди имѣли на себѣ шлемы
изъ перьевъ и мантии изъ того же матеріала; эти шлемы, спле-
тенные изъ вѣтвей и густо усаженные перьями, напоминали со-
бою греческій шлемъ и были снабжены подобіемъ султана; мантии
были желтаго и краснаго цвѣта, и только король носилъ мантию
чисто желтаго цвѣта. Этотъ костюмъ не имѣлъ цѣли защиты и
предназначался для отличія того, кто его носилъ. На Таити
войско раздѣлялось на 5 отрядовъ, и въ послѣднемъ изъ нихъ
находились женщины, дѣти и багажъ. Обнаженные части тѣла
таитяне раскрашивали чернымъ и краснымъ цвѣтами. У нихъ
было уже нѣсколько стратегическихъ приемовъ. Каждый воинъ
бился съ непріятельскимъ воиномъ, стоявшимъ противъ него;
иногда за сражающимися находилась вторая линія, воины кото-
рой замѣняли утомленныхъ бойцовъ, а иногда въ ряды сражаю-
щихся неожиданно вторгался свѣжій отрядъ храбрѣйшихъ вои-
новъ. Войско строилось въ видѣ фаланги или каре, которое на-
падало на непріятеля въ разсыпную; это построеніе носило на-
званіе „коралловой скалы“. На Сандвичевыхъ островахъ по-
строенія и стратегическіе приемы измѣнялись смотря по мѣст-
ности, силѣ непріятеля и т. д.; на открытомъ полѣ войска
строились въ видѣ полукружія или серпа луны; въ болѣе тѣс-
ныхъ пространствахъ войска строились колоннами. Главный вожь,
управлявшій битвой, находился въ срединѣ войска, а предводи-
тели отдѣльныхъ отрядовъ—во главѣ ихъ.

Сражающіеся разбивались во время битвы на отдѣльныя

группы, и сраженіе сопровождалось сильнѣйшимъ шумомъ и крикомъ; паденіе перваго врага обозначалось еще болѣе усиленнымъ торжествующимъ крикомъ. Если этимъ первымъ убитымъ или раненымъ врагомъ удавалось завладѣть, его посвящали богамъ и тащили въ храмъ въ видѣ жертвы. Таитяне, отличавшіеся особенною жестокостью на войнѣ, поднимали иногда этого врага, еще живаго, на копья, но гавайцы обыкновенно убивали его на мѣстѣ. Во время битвы, по большей части, никому не давалось пощады, не исключая женщинъ, дѣтей и больныхъ. Война вела за собою страшное опустошеніе покоренной страны: побѣдители вырубали деревья, раздѣляли между собою землю. Трупы непріятелей уродовались самымъ жестокимъ образомъ, и плѣнные, въ особенности вожди, подвергались продолжительнымъ мученіямъ. Болѣе мягкій способъ веденія войны можно было найти на Гавайскихъ островахъ, гдѣ извѣстны были даже неприкосновенныя убѣжища для плѣнныхъ. Головы и нижнія челюсти убитыхъ непріятелей уносились домой и служили трофеями. Головы помѣщались около храма или выставлялись на высокихъ шестахъ при вѣздѣ въ деревню. Полинезійцы, подобно меланезійцамъ, ѣли трупы своихъ враговъ, что было обставлено у нихъ извѣстными правилами и обрядами. Они ѣли человѣческое мясо ради его вкуса, который имъ нравился, и приучали къ нему мальчиковъ съ ранняго возраста. Однако, при всѣхъ этихъ жестокостяхъ, у полинезійцевъ были уже парламентеры, которые являлись съ зелеными вѣтвями или бѣлыми флагами, и предложеніе мира останавливало военныя дѣйствія.

Азіатскіе малайцы, западные родичи полинезійцевъ, обнаруживаютъ дальнѣйшее развитіе въ военномъ отношеніи, такъ какъ въ нихъ замѣчается больше личной храбрости и даже рыцарственности. Въ ихъ нравахъ поединки играютъ видную роль, какъ средство рѣшенія споровъ. Тайныя нападенія и засады въ ихъ войнахъ отступаютъ на второй планъ, и личная неустрашимость считается высшимъ качествомъ лицъ высшаго сословія. Эти лица по преимуществу занимаются военнымъ дѣломъ, а низшія сословія во время войны исполняютъ лишь служебную роль. Сраженіямъ малайцевъ часто предшествуетъ еди-

ноборство между храбрѣйшими воинами обѣихъ сторонъ. Иногда дѣло рѣшается побѣдой извѣстной стороны въ этомъ единоборствѣ; если же послѣ того все-таки происходитъ сраженіе, то оно отличается большимъ кровопролитіемъ. Презрѣніе опасности и прибыль, доставляемая войною, способствуютъ развитію среди малайцевъ разбоя и, въ особенности, пиратства. Между ними мы уже находимъ „головорѣзовъ“ по профессіи, гордость которыхъ заключается въ количествѣ добытыхъ головъ. Уваженіе, какое малайцы воздаютъ храбрымъ, ведетъ иногда къ тому, что человѣкъ, совершившій какое-либо позорящее его дѣйствіе, можетъ очистить себя смѣлостью и удачей не только въ военной, но и въ разбойничьей экспедиціи. Такимъ образомъ, у малайцевъ можно найти уже воиновъ по ремеслу, которые оружіемъ добываютъ себѣ и почетъ, и богатство. У нихъ нерѣдко даже владѣтельные лица снаряжали корабли или отправляли экспедиціи съ цѣлью разбоя. Кривой широкій мечъ составляетъ необходимую принадлежность малайскаго воина и пускается имъ въ дѣло при всякомъ оскорбленіи.

III.

Различіе между вооруженнымъ насиліемъ или разбоемъ и правильной войной мы можемъ наблюдать и у африканскихъ негровъ. Нѣкоторыя страны ихъ, какъ, напр., Видахъ, Ярриба и др., высылаютъ экспедиціи для грабежа сосѣднихъ странъ и по преимуществу для ловли невольниковъ. Эти экспедиціи не имѣютъ въ виду ничего другаго, кромѣ возможно большей прибыли, и производятъ свои нападенія въ темное время, изъ засадъ и на людей безоружныхъ. Онѣ рѣдко бываютъ кровавыми и своимъ участникамъ мало даютъ повода выказать ихъ храбрость. Наряду съ такими разбойничьими населеніями, мы видимъ въ Африкѣ настоящія военные государства. Такъ, въ Ашанти воину храбрость вмѣняется въ обязанность: трусость тамъ наказывается смертью. Столкновенія ашантиевъ съ европейцами показали послѣднимъ, что они имѣютъ дѣло съ людьми большаго мужества; бывали случаи, что негры, осаждая крѣпость, падали